Из плача о писаре

Вопит кума:

Отлишилися заступы-заборонушки!
Как не стало нонь стены да городовой,
Приукрылся писарёчик хитромудрой,
Он во матушку-сыру землю!
Вкупе все да мы, крестьяна, сухотуем —
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная незгодушка!
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на́ свет человеку не родитися —
Много страсти-то теперь да много у́жасти,
Как больши того, великиих пригрозушек!
Наезжают-то судьи да страховитые,
Раззоряют-то крестьянски оны жирушки
До последней-то оны да лопотиночки!
Не дай Господи на сем да на белом свете
Со досадой-этым горюшком возитися!
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ-люди добрыи,
Как, отколь в мире горе объявилося:
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейныи,
Оны ду-друга люди не терзали!
Горе людушек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося,
Но тут было горюшку не ме́стечко —
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося!
На высоки эты щельи горе бросилось,
Но и тут было горюшку не ме́стечко —
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя изо гор да объявилося!
Уже тут злое горюшко кидалося

В окиян-сине славно оно морюшко,
Под колодинку оно там запихалося —
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилася!
Прошло времечка с того да не со много.
В океан-море ловцы вдруг пригодилися,
Чего на́ слыхе-то было не слыхано,
Чего на́ виду-то век было не видано:
Как в досюльны времена, да в прежни годышки
В океан-море ловцы да не бывали!
Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали оны неводы шелковыи,
Проволо́ки оны клали-то пеньковыи
Оны плутивца тут клали все дубовыи,
Изловили тут свежу оны рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек.
Точно хвост да как у рыбы лебединой,
Голова у ей вроде как козлиная;
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой,
Пораздумались ловцы да добры мо́лодцы:
По приметам эта рыба да как щучина!
Поскорёшеньку ко бережку кидалися,
На дубовоей доске рыбу пла́стали;
Распололи как уловну свежу рыбоньку;
Много множество песку у ей приглотано,
Были сглонуты ключи да золочёныи!
Тут пошли эты ловцы да добры мо́лодцы
Во дере́веньку свою да во селение;
Всем суседям рассказалися,
Показали им ключи да золочёныи.
Тут ключи стали ловцы да применять:
Прилагали ключи ко Божиим церквам,
По церковным замкам ключи не ладятся.
По уличкам пошли оны рядовым,
По купцам пошли оны торговым,
И по лавочкам ключи не пригодилися!
Тут пошли эты ловцы да добры мо́лодцы,
По тюрьмам пошли заключевныим:
В подземельные норы ключ поладился,

Где сидело это горюшко великое;
Потихошеньку замок хоть отмыкали,
Без молитовки, знать, двери отворяли;
Не поспели тут ловцы-добры мо́лодцы
Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто́ поле слетело!
На чисто́м поле горюшко садилося
И само тут злодийно восхвалялося,
Што тоска буде крестьянам неудольная!
Подъедать стало удалых добрых мо́лодцев,
Много при́брало семе́йныих головушек,
Овдовило честных мужних моло́дыих жен,
Обсиротило сиротных малых детушек!
Уже так да это горе расплодилося,
По чисту полю горюшко катилося,
Стужей-инеем оно да там садилося,
Над зеленыим лугом становилося,
Частым дождиком оно да рассыпалося,
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эты хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людушках!

К писарю:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко!
Буде Бог судит на вто́ром быть пришествии, —
По делам-судам душа да будет праведна —
Може, станешь у Престола у Господнего,
Ты поро́скажи Бладыке-Свету Истинному,
Ты про обчество крестьян да православных!
Много множество е в мире согрешения,
Как больши того е в мире огорчения;
Хоть повы́станем по утрышку ранёшенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжкиих грехах да не прощаемся!
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил Господь ловцов да на киян-море;

Изловили оны рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельныи,
Повыпустили горюшко великое!
Зло-несносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным со́колом,
Над крестьянамы, злодийно, черным во́роном;
Возлетат оно, злодийно, само радуется:
«На белом свете я роспоселилося,
До этыих крестьян я доступило,
Не начаются обиды, накачаются,
Не надиются досады, принавидятся!»
Как со этого горя со великого
Бедны людушки, как море, колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушеныи!
Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отчевщина у их нонь придержалася;
Не стоят теперь сто́ги перегодныи,
Не насыпаны анбары хлеба Божьего;
Нет на стойлы-то у их да коней добрыих,
Нету зимных у их санок самокатныих,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!
Ты поро́скажи, крестовой-милой кумушко,
Ты поро́скажи Бладыке многомилосливу,
Што неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманно их ретливое сердечушко,
Точно лед как во синем море;
Некуды от их, злодиев, не укроешься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Все доищутся в горах оны высоких,
Доберутся ведь во матушке-сырой земле;
Во конец оны крестьян всех разоряют!
Кабы ведали цари да со царицами,
Кабы знали все купцы да ведь московскии
Про бессчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.